

Об институциональном подходе в библиотековедении

В статье рассматривается институциональное направление библиотековедческих исследований, выдвигается тезис о фундаментальном значении категории «библиотечный социальный институт» в понятийном аппарате библиотековедения. Работа носит поисковый, проблемный характер.

Зададимся вопросом: какая из категорий, традиционно используемых в библиотечной науке и практике, наиболее полно и непротиворечиво обобщает всю совокупность библиотечных общественных явлений? Ответ на этот вопрос, с нашей точки зрения, носит фундаментальный характер. Он способен дать основания для решения многих задач, как прикладного, так и сугубо теоретического характера. Прежде всего, в таком ответе нуждается библиотечная политика и сфера управления. Какой объект мы имеем в виду, когда говорим о концепциях развития, стратегиях управления, необходимости модернизации применительно к библиотечной отрасли в целом? Что есть это «целое»? Чаше других для этих целей используются термины *библиотека*, *библиотечное дело* и *библиотечная деятельность*. Именно они играют центральную роль – и в политико-управленческой практике, и в неутихающих спорах ученых о предмете и объекте библиотековедения, и в изучении сущности многих библиотечных феноменов.

О полноте категорийной системы библиотековедения

Думаю, не погрешу против истины, если скажу, что терминологическое ядро библиотековедения еще не сложилось в непротиворечивую систему научно обоснованных и признанных библиотечным сообществом понятий. Тем не менее практическая работа постоянно требует нормативных определений основных категорий. Особую актуальность эта задача, вызванная настоятельной потребностью отрасли в инновационном развитии и модернизации всех ее составных частей, приобрела в последние годы. Ответом на это требование – по степени нормативного закрепления терминов – должны служить законы, стандарты, научные энциклопедические и справочные издания, специальные исследования.

Федеральный закон «О библиотечном деле» (далее *Закон*) определяет **библиотеку** как «информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование физическим и юридическим лицам; библиотека может быть самостоятельным учреждением или структурным подразделением предприятия, учреждения, организации» (*в редакции Закона от 20 июня 2009 г.*). **Библиотечное дело** – это «отрасль информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельности, в задачи которой входят создание и развитие сети библиотек, формирование и обработка их фондов, организация библиотечного, информационного и справочно-библиографического обслуживания пользователей библиотек, подготовка кадров работников библиотек, научное и методическое обеспечение развития библиотек» [1].

ГОСТ 7.0–99 «СИБИД. Информационно-библиографическая деятельность, библиография. Термины и определения» дает следующие дефиниции:

3.1.39. **Библиотека**. Информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование абонентам, а также осуществляющее другие библиотечные услуги.

3.1.40. **Библиотечное дело**. Область деятельности по организации библиотечного обслуживания.

Приведенные нормативные определения библиотеки трактуют ее как учреждение (либо структурное подразделение), что не позволяет эффективно использовать его в качестве обобщающего понятия для библиотечной сферы в целом.

Если рассмотреть «законодательное» определение понятия *библиотечное дело* с позиции родо-видовых отношений, то выясняется, что в качестве родового используется понятие *отрасль информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельности*, в объем которого законодатель включил (посредством указания на задачи, реализуемые в рамках отрасли) следующие составные части (подсистемы, компоненты): сеть библиотек, фонды библиотек, обслуживание пользователей, подготовка кадров, научная и методическая работа.

Возникают три вопроса: 1) являются ли задачи, а значит и стоящие за ними объекты, рядоположенными и исчерпывающими для описания библиотечного дела как целого? 2) можно ли, ограничиваясь только информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельностью, решать те задачи, которые поставлены перед отраслью? 3) не является ли понятие, используемое как родовое, – *отрасль информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельности* – производным от понятия библиотеки как «информационного, культурного, образовательного учреждения»?

Отвечая отрицательно на первый вопрос, заметим, что в одном ряду стоят «сеть библиотек», «фонды библиотек», «обслуживание пользователей», «подготовка кадров», «методическое обеспечение». Эти компоненты явно принадлежат к разным уровням обобщения социальной практики.

Ответ на второй вопрос также будет отрицательным. Достаточно очевидно, что задачи, стоящие перед библиотечным делом как отраслью, решать путем осуществления только информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельности не представляется возможным.

Ответ на третий вопрос – положительный. Законодатель обобщил социальные функции библиотек и тем самым показал, что объем понятия *библиотечное дело* как отрасли исчерпывается практикой работы библиотек всех типов и видов.

Анализ определений, закрепленных в ГОСТе, дает еще более неутешительные результаты. Библиотечное дело как «область деятельности» сведено к одному (основному) процессу – библиотечному обслуживанию.

Наиболее авторитетным источником знаний, признанным профессиональным сообществом в наши дни, служит «Библиотечная энциклопедия». В этом солидном издании можно найти трактовки всех основных терминов. Ю. А. Гриханов, автор статьи о библиотечном деле, определяет его как «отрасль профессиональной деятельности, обеспечивающей создание и развитие библиотек как социальной системы, основными целями которой являются сохранение и передача новым поколениям интеллектуальных достижений человечества, отражаемых в документном (информационном) потоке и организации общественного пользования документными (информационными) ресурсами библиотек...» [2. С. 193].

Эта статья содержит весьма важное уточнение. Автор непосредственно (в отличие от Закона) указывает на наличие основных составных частей библиотечного дела, к которым относит: библиотечные сети, библиотечные фонды; библиотечные кадры; систему библиотечного обслуживания; управление библиотечным делом; научно-методическую и научно-исследовательскую работу. Можно заметить, что, по сравнению с «законодательным» определением, Ю. А. Гриханов, во-первых, вместо «информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельности» использует обобщающий термин *профессиональная деятельность* и, во-вторых, к упомянутым в Законе «частям» библиотечного дела добавляет такую важную составную часть, как управление.

Е. А. Фенелонов в своей монографии поставил задачу проанализировать библиотечное дело как систему «во всех ее основных главных элементах, влияющих на экономические отношения, на конечные результаты деятельности». Отметив, что «библиотечное дело – это одна из сфер или частей народного хозяйства», что с точки зрения внутренней организации оно «представляет собой совокупность материальных и нематериальных элементов», автор приходит к такому определению: «Библиотечное дело – совокупность учреждений, осуществляющих библиотечное обслуживание, а также учреждений, призванных готовить кадры, обеспечивать научно-методическое и информационное обеспечение библиотек» [3. С. 5–7, 221].

М. Я. Дворкина при рассмотрении соотношения понятий *библиотечное дело* и *библиотечная деятельность* справедливо отмечает, что в библиотековедении «нет ясности относительно соотношения содержания этих понятий». Пытаясь такую ясность внести, она дает следующее определение библиотечному делу: «...это отрасль культуры и информации, включающая систему библиотек, библиотечных фондов, других

информационных, интеллектуальных, материально-технических ресурсов библиотек, инфраструктуру (библиотечную науку, специальные учебные заведения, библиотечную печать)» [4. С. 11–13].

М. Я. Дворкина в своем определении выходит за границы компонентного состава библиотечного дела, данного в Законе, включает в его состав ресурсы библиотек, а также науку, образование и печать.

А. И. Пашин в учебном пособии, вышедшем в 1998 г., полностью следует трактовке библиотечного дела, данной в Законе и, опираясь на нее, «разбивает» библиотечное дело на шесть частей: сети библиотек, комплектование фондов и т.д. Набор этих компонентов автор именуется подсистемами, утверждая, что «библиотечное дело является сложной социально-культурной системой, состоящей из целого ряда тесно связанных между собой подсистем и имеющей свои специфические черты и закономерности развития» [5. С. 5]. При этом вновь не учитывается, что при системном подходе каждая из подсистем выступает неразложимым компонентом системы при заданном способе ее рассмотрения. В 2008 г. А. И. Пашин выпустил учебно-методическое пособие, в котором призвал рассматривать управление библиотечным делом с позиций системного подхода. Спустя десять лет автор добавил в библиотечное дело еще один компонент – подсистему управления [6. С. 30].

Казалось бы, с момента выхода в свет монографии Ю. Н. Столярова [7] было достаточно времени для освоения принципов системного подхода и способов декомпозиции библиотечных систем на составляющие их элементы, как в структурном, так и функциональном аспектах. Но как системный объект библиотечное дело так и не становится предметом специального рассмотрения. В приведенных выше определениях библиотечное дело «разбивается» на произвольные – по количеству, степени обобщения, природе (материальные и идеальные) – части. Опирающийся на логику системный подход такой вольности не допускает. Задача определения – точно отграничить данное понятие от всех других по содержанию и объему; определение должно быть соразмерным, т.е. охватывать те и только те элементы, которые составляют объем определяемого понятия [8. С. 56].

Можно говорить об определенной «магии» дефиниции, данной в Законе, которая не позволяет уважаемым специалистам увидеть явные логические несуразности, возникающие при определении библиотечного дела с помощью только трех областей деятельности (информационной, культурно-просветительской и образовательной) и произвольном вычленении его отдельных частей. Скорее всего, корни этой «магии» лежат довольно глубоко: и в устоявшейся традиции рассмотрения библиотечного дела как категории, производной от практической деятельности библиотек, и в отсутствии «социального заказа» – реальных (а не декларируемых) потребностей органов власти в научном подходе к управлению библиотечной сферой.

Положение о библиотечном деле 1984 года, имевшее силу закона, давало определение только библиотеки, хотя и использовало термин *библиотечное дело*. Терминологический словарь по управлению библиотечным делом (1985 г.) такую дефиницию уже содержал: это «область идеологической, культурно-просветительской и научно-информационной деятельности, обеспечивающая удовлетворение социальных потребностей в произведениях печати и других документов посредством библиотек» [9. С. 9]. В этом определении библиотечное дело раскрывается только как деятельность библиотек всех типов и видов, без каких-либо «дополнительных частей» в виде образования, науки или управления.

Можно заметить, что наряду с узкопрактическим пониманием библиотечного дела, постепенно складывается представление о нём как о более широкой социальной системе (сфере, отрасли), включающей, кроме деятельности библиотек, *образование* (Ю. А. Гриханов, М. Я. Дворкина, А. И. Пашин, Е. А. Фенелонов), *науку* (те же авторы), *управление* (Ю. А. Гриханов, А. И. Пашин), *библиотечную печать* (М. Я. Дворкина).

Мы вправе сделать вывод, что назрела явная потребность в обобщающем понятии, способном системно отразить все области социальной практики, «работающие» на библиотечную сферу как целое. Возможно, именно эту мысль стремилась выразить М. Я. Дворкина в своем размышлении о целесообразности замены термина *библиотечное дело* на термин *библиотечная отрасль* [4. С. 13].

Если термин *библиотечное дело* использовать только для обозначения библиотечной практики (деятельности библиотек всех типов и видов), то потребуется более широкое понятие, с помощью которого можно целостно отразить «библиотечный срез» жизнедеятельности общества. При этом желательно, чтобы оно обладало эвристическим потенциалом, способным не только «обозначать», но и объяснять обобщаемые явления. С нашей точки зрения, эту задачу можно решить с помощью категории «социальный институт».

Социальный институт: от общенаучных к библиотечным интерпретациям

Понятие *институт* (от лат. *institutum* – установление, учреждение) на начальном этапе развивалось в лоне наук о праве. В самом общем виде *право* – это порядок, регулирующий отношения людей в человеческом обществе. Существенным признаком права является правило, или норма, регулирующая объем свободы отдельных лиц. Появление подобных правил знаменует собой возникновение человеческого общества [10. С. 78].

Рассмотрение социума с помощью категории «социальный институт» – традиционная область интересов социологической науки (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер и другие). В современных социологии, экономике, политике сложился институциональный методологический подход, в рамках которого общественные отношения и структуры рассматриваются как множество взаимосвязанных и взаимодействующих институтов. В отечественной социологической литературе до начала 1970-х гг. термин *социальный институт* практически отсутствовал, а институциональный анализ относили к «предрассудкам» буржуазной методологии.

Социальные институты выступают специфическими механизмами организации и управления процессами общественной жизни людей, обеспечивая стабильность общественной системы и ее развитие. Почти любое социальное явление, процесс или структура могут быть рассмотрены «как институты». М. Б. Глотов приводит десятки отечественных исследований, где в качестве социального института изучаются: язык, дедовщина, реклама, страхование, профсоюзы, армия, власть и т.д., что свидетельствует о многообразии круга явлений, которые могут быть обозначены данным понятием [11].

Несмотря на бурное развитие институционализма как общенаучного подхода, общепризнанная трактовка понятия *социальный институт* пока не выработана. На это обстоятельство обращают внимание специалисты многих отраслей знаний. Так, культурологи отмечают, что в современной научной литературе, как зарубежной, так и отечественной, существует достаточно широкий набор версий и подходов к трактовке понятия *социальный институт*, что не позволяет дать однозначную дефиницию этой категории. Они предпочитают рассматривать социальные институты преимущественно в нормативной и учрежденческой трактовке, но могут понимать институт расширительно, как «дисциплинарно-символическое пространство», обеспечивающее вхождение человека в символический порядок культуры [12. С. 183–184, 188].

Академик Т. И. Заславская пишет: «Хотя институциональное направление экономических, социологических и политологических исследований в последние годы получило широкое развитие, содержание понятия *социальный институт* все еще остается довольно размытым» [13. С. 111]. Она приводит четыре трактовки этого термина. Согласно первой, под институтом понимается совокупность формальных организаций, удовлетворяющих определенную общественную потребность. Согласно второй трактовке, институты представляют собой совокупность установленных в соответствующих сферах правил игры и действующих согласно этим правилам социальных субъектов, в первую очередь – организационных структур.

Третья трактовка переносит акцент на результаты функционирования института, отождествляя это понятие с относительно устойчивыми типами и формами социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социально организованного общества. Согласно четвертому определению, институт – это устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности. По мнению Т. И. Заславской, четвертое направление представляется наиболее перспективным; его преимущество состоит в четком разделении и противопоставлении понятий *институт* и *организация*. Организации рассматриваются здесь как субъекты, в целом играющие по институциональным правилам, но вместе с тем обладающие определенной свободой выбора своего поведения.

«Институты имеют значение» – в этой лаконичной фразе лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта выражен смысл переворота не только во взглядах экономистов, но и специалистов других областей знания, который произошел в XX в. Трактовка института как нормы (правила) постепенно становится доминирующей в институциональных исследованиях различных сфер жизнедеятельности общества [14]. В изучении проблем экономики библиотечного дела она достойно представлена трудами Ю. А. Горшкова [15].

«Институты, по определению Д. Норта, это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» [16. С. 17]. Институты создают институциональную среду общества – в виде совокупности формальных и неформальных правил и механизмов контроля за их соблюдением, задавая рамки поведения людей и организаций во всех сферах общественной жизни.

Рассмотрение институтов применительно к отдельным сферам жизнедеятельности общества приводит к следующему определению социально-культурных институтов: они «представляют в своей совокупности более или менее *устойчивые и регламентированные способы взаимодействия людей* по поводу создания и распространения ценностей культуры, а также *систему учреждений культуры* (театры, музеи, библиотеки, концертные залы, кинотеатры и т.п.), ориентированную на социализацию личности, овладение ею культурными ценностями общества» [17. С. 149]. В этом определении нашли отражение две наиболее распространенные трактовки института в прикладных общественных науках – и как нормы, и как системы учреждений (организаций).

Научные основы рассмотрения библиотеки в рамках социологической теории наиболее полно разработаны в диссертации В. Р. Фирсова еще в 1984 г. на базе категориального аппарата теории культуры [18]. Библиотека традиционно изучается в библиотековедении как относительно устойчивая форма социальной практики, обусловленная потребностями общества. Главными компонентами подобных исследований выступают понятия *социальная роль, общественное предназначение, социальные функции*. Исследователи полагают, что определение исходных социальных функций библиотеки дает представление о сущности ее деятельности, стоит только правильно определить ту, более широкую социальную систему (институт), в которую входит библиотека (это может быть институт социализации или инкультурации, институт документальных, информационных или социальных коммуникаций).

Ю. Н. Столяров отмечал, что после каждой попытки «вписаться» в какой-либо социальный институт библиотековедам казалось, что место библиотеки в социальной системе ими окончательно найдено [19]. В условиях постсоветской социально-политической реальности библиотека как социальный институт подробно анализируется в монографии Р. С. Мотульского [20].

Библиотека как социальный институт привлекала внимание исследователей на протяжении всего XX в. В изучение этой фундаментальной проблемы внесли свой вклад многие библиотековеды. И всегда это было изучение роли библиотеки в жизни общества, её социальных функций. Акцентировался чрезвычайно важный, но лишь один институциональный аспект – взаимодействие библиотеки с внешней средой. Никакие иные компоненты библиотечного дела как социального института не становились объектом специального рассмотрения.

Весьма оригинальную трактовку социального института применительно к библиотеке предложила Е. И. Полтавская. Решая задачу по поиску сходства и различий таких категорий, как *библиотека-учреждение* и *библиотека-социальный институт* на обширном общенаучном фундаменте (экономики, социологии, философии) с разбором современных (что очень ценно) определений понятия *социальный институт*, она пришла к следующему выводу. Между «учреждением» и «социальным институтом» есть только одно отличие. В учреждении отсутствует тот, ради которого это учреждение существует – потребитель, потому что он не входит в штатное расписание реальной библиотеки. Но стоит только к библиотеке (в совокупности таких элементов, как библиотекарь, документ, материально-техническая база) добавить еще один элемент – потребителя, как учреждение превращается в социальный институт. «Системы “библиотека-организация” и “библиотека-социальный институт” отличаются между собой отсутствием в первой и присутствием во второй элемента *пользователь* (клиент, читатель, абонент, в общем смысле – потребитель)» [21. С. 59].

По схеме Е. И. Полтавской, библиотека всё время меняет свой статус: то это учреждение (когда нет читателей), то – социальный институт, когда она читателей обслуживает.

Весьма странно в библиотековедении рассуждать о «библиотеке без читателей». Убирая потребителя из «библиотеки-учреждения», автор «выбрасывает» целевую функцию этого учреждения, которая опредмечена

в читателе. Прислушаемся к К. Марксу – он точно заметил: «Только в потреблении продукт становится действительным продуктом ... дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом» [22. С. 27]. Библиотека-учреждение, в которой нет читателя, не является «действительной» библиотекой, так как превращается в книжный склад. Без участия читателя в деятельности библиотеки (как учреждения или социального института) ничего не происходит. Читатель присутствует всегда, независимо от штатного расписания: и в реальности, и как носитель цели деятельности при рассмотрении абстрактных моделей библиотеки.

В своей работе Е. И. Полтавская допускает ряд методологических неточностей. Она полагает, что объем понятия *библиотека-организация* полностью включается в объем понятия *библиотека-социальный институт* [21. С. 50]. Но если различия двух объектов только в количестве элементов, то это означает, что они принадлежат к одному уровню рассмотрения социальной реальности. Получается, что в онтологическом смысле можно поставить знак равенства между учреждением и социальным институтом. Мне представляется это ошибкой. Также из науки логики известно, что чем беднее содержание понятия, тем шире его объем. Если *библиотека-организация* не включает пользователя, а *библиотека-социальный институт* его включает, то объем первого понятия шире, чем второго, ибо «библиотека-организация» охватывает все «библиотеки-институты» с читателями и все «библиотеки без читателей».

С нашей точки зрения, конкретное учреждение можно «сравнивать» с соответствующим ему институтом только для того, чтобы понять, насколько полно оно реализует цели и функции «своего» института. При этом мы исходим из того, что сущностные свойства категории «социальный институт» универсальны: они применимы к анализу любых институтов – будь то библиотека, семья, армия или коммунальная квартира.

Схема сравнения «учреждения» и «института», предложенная Е. И. Полтавской, не вполне корректна, прежде всего потому, что автор дает весьма вольную трактовку самой категории «социальный институт». Она пишет: «Институты возникают при взаимодействии организаций с представителями общества, хотя терминологически в социологии так и не обозначаются» [21. С. 32]. Ни одна из общепризнанных трактовок не объясняет таким образом возникновение социальных институтов. Наиболее общие в социологии и культурологии трактовки – это нормативная и организационная. Одна из них основана на понимании института как совокупности формальных и неформальных правил, регулирующих области совместной деятельности людей, другая – как системы учреждений, организующих отдельные области социальной практики.

Уместно в этой связи привести мнение Дж. Ширы. Институт – это «совокупность социальных явлений, условностей и формализованных структур, с помощью которых общество фиксирует пределы, осуществляет контроль и устанавливает формы деятельности всех своих членов» [23. С. 66]. Дж. Шира полагал, что социальные институты осуществляют свои функции через органы: закон – через суд, религия – через церковь, образование – через школу. В такой трактовке библиотека (с читателями) выступает одним из «органов» социально-коммуникативных институтов общества, наряду с музеем, архивом и другими подобными учреждениями.

Библиотека как учреждение и библиотека как социальный институт – это объекты, безусловно, разные. Но отличаются они, с нашей точки зрения, не количеством рядоположенных элементов. Их различие – в гносеологической плоскости, т.е. в способе познания (теоретического воспроизведения) изучаемых объектов. Категория «социальный институт» выполняет роль методологических «очков», которые позволяют исследователю определенным образом «увидеть» реальный объект и описать его институциональные особенности. При этом необходимо заранее оговорить «конструкцию» очков, т.е. задать основные характеристики самого инструмента познания – категории «социальный институт».

В отличие от библиотеки, проблема изучения библиотечного дела как социального института не становилась предметом специального изучения за всю историю советского и российского библиотековедения.

В современных условиях на важность рассмотрения библиотечного дела как социального института обращают внимание социологи. Р. А. Трофимова, разрабатывая научный статус библиосоциологии на основе институциональной теории, полагает, что ее объектом является социальный институт библиотечного дела [24]. Она утверждает, что «роль социального института выполняет библиотечное дело, а не библиотека, как бы ее ни понимали – как конкретную, совокупную, усредненную, как сеть библиотек или как-то иначе <...> отождествление библиотечного дела с библиотекой <...> ведет к возможности подмены проблем всего

библиотечного дела проблемами конкретного вида библиотек» [25. С. 25].

Современные научные представления о библиотечном деле как социальном институте начали формироваться в конце 1980-х гг. при разработке концепции преодоления кризиса советских библиотек. Она готовилась рабочей группой Ленинградского библиотечного общества и нашла отражение в НИР «Общественно-государственное управление библиотечным делом в Российской Федерации» [26].

А. В. Соколов, избранный в 1989 г. президентом только что созданного Ленинградского библиотечного общества, отмечал: «За годы Советской власти сложился социальный институт библиотечного дела, подобный институтам народного образования, здравоохранения... Фундаментом его стали библиотеки, в которых трудятся работники, образующие особую профессиональную социальную группу <...> Социальный институт должен располагать набором функциональных органов, обеспечивающих воспроизводство и развитие библиотечного дела...» [27]. В «набор» компонентов библиотечного дела автор включил, кроме библиотек, органы государственного управления, методического руководства, профессионального образования, научно-исследовательские структуры и профессиональную печать.

В своих дальнейших работах А. В. Соколов продолжает активно использовать понятие отраслевого социального института, пишет о библиотечном, книгоиздательском, книготорговом, музейном, архивном, научно-информационном институтах. Каждый из них состоит из пяти компонентов: практики, образования, науки, отраслевой печати и управления. При комплексном анализе библиотечно-библиографических и информационных явлений А. В. Соколов оперирует обобщающим понятием: *документально-коммуникационный социальный институт*.

В одной из своих последних работ он говорит о «реальном отраслевом социальном институте», который должен располагать специальными учреждениями (службами, организациями) и профессиональными кадрами, распределенными между участками (подсистемами) института: практика, наука, образование, управление, отраслевая пресса [28]. К сожалению, весьма убедительная «учрежденческая» трактовка категории «социальный институт», использованная А. В. Соколовым для анализа социально-коммуникационных систем, остается пока не вполне востребованной библиотековедением.

Библиотечный социальный институт как фундаментальная категория библиотековедения

Чтобы использовать институциональный подход в рамках библиотековедения, необходимо выработать (либо корректно заимствовать) более или менее четкое понимание категории «институт». С нашей точки зрения, целостное представление о социальном институте можно сформировать, последовательно интерпретируя его на трех уровнях обобщения институциональных характеристик: от понимания института как правила, нормы, к представлению его в виде совокупности субъектов, действующих согласно этим нормам и, далее, к рассмотрению института как устойчивой формы социальной системы. При этом каждый последующий уровень интерпретации будет включать в себя предыдущий – по принципу «матрешки». Создание целостного представления об институте идет от его нормативного «ядра» к более конкретным институциональным характеристикам.

На первом уровне рассматриваем институт как регулятор социальных действий: это нормы и правила, включая механизмы их поддержания (*нормативный уровень*). На втором уровне интерпретируем институт как совокупность правил и действующих согласно этим правилам социальных субъектов (*структурно-функциональный уровень*). На третьем уровне рассматриваем институт как устойчивую форму социальной практики (*социально-ролевой уровень*).

Наше понимание категории «институт» – применительно к библиотечной проблематике – обобщим в понятии *библиотечный социальный институт* (БСИ). В теоретическом плане оно будет включать в себя представление:

- о *нормативных регуляторах*, действующих в рамках БСИ (формальных и неформальных правилах);
- об *основных функциях и составе компонентов* БСИ, которые необходимы для функционирования БСИ как области общественной практики;
- о *роли (назначении)* БСИ в обществе.

Отметим, что библиотковедение разрабатывает пока только третий – социально-ролевой – уровень рассмотрения библиотечных явлений «как институтов» (*библиотека как социальный институт*).

В контексте этой статьи БСИ понимается как комплексный организационно упорядоченный институт, действующий на основе формальных механизмов, задаваемых правовой системой государства, и неформальных правил, выработанных и признанных самим библиотечным сообществом.

Рассмотрение БСИ как реальной социальной системы, состоящей из взаимосвязанных и взаимообусловленных функционально специализированных элементов, позволяет построить ее структурно-функциональную модель. Функциональный «взгляд» на БСИ дает представление об инвариантных функциях, которые необходимы и достаточны для того, чтобы БСИ обладал способностью к воспроизводству и развитию. Признак «необходимости и достаточности» выступает в качестве критерия, задающего исчерпывающий набор функций. Полагаем, что таких функций может быть только шесть:

1. Функция полезности.
2. Функция профессионализации.
3. Функция познания.
4. Функция коммуникации.
5. Функция упорядочения.
6. Нормативная функция.

Функциональная структура БСИ неизменна во времени, меняются лишь формы воплощения отдельных функций на практике. Функциональная модель отвечает не на вопрос, как устроен БСИ (например, в 1936 или 2001 г.), а на вопрос, какие функции необходимо выполнять, чтобы БСИ мог функционировать и развиваться как целостная социальная система в масштабах общества. При построении модели БСИ как системы мы идем от функций к порождаемым ими организационным структурам.

Можно предположить, что все функции БСИ развиваются из генетически исходной – функции полезности. Для осуществления каждой из функций общество может создавать самостоятельные организационные формы. Общественные потребности влияют на БСИ, он усложняется и специализируется, отдельные функции обособляются и организационно оформляются. Так возникают и закрепляются в конкретной исторической практике структурные компоненты (части) БСИ. Каждая из функций порождает «свою» область деятельности, необходимую для достижения целей, стоящих перед БСИ в целом.

В компонентном составе БСИ находит отражение институциональная структура «библиотечной организации» общества:

Практика. (1) Деятельность библиотек как «чистая» отрасль общественного хозяйства, в которую входят библиотеки всех типов и видов по признаку единства создаваемых продуктов – библиотечных услуг; именно здесь происходит реализация функции *полезности*: производство и потребление общественных благ. Меняются во времени типы и виды библиотек, формы их существования, социальное назначение, но неизменной остается функция их полезности для общества. Это библиотечное дело в своем узком значении.

Образование. (2) Деятельность, обеспечивающая *профессионализацию* кадров, – подготовка и повышение квалификации специалистов для нужд всего БСИ и ее конкретно-исторические организационные формы: институты, курсы, центры и т. п.

Наука. (3) Деятельность, направленная на производство научных смыслов, реализующая для нужд института функцию *познания* и ее организационные формы.

Коммуникация. (4) Деятельность, направленная на поддержание информационного взаимодействия компонентов института между собой и с социумом (обмен смыслами), осуществляемая в различных формах: устной, бумажной, электронной.

Самоорганизация и управление. (5) Деятельность, направленная на упорядочение института за счёт неформальных факторов (самоорганизация) и формальных воздействий (управление), а также их организационные формы. Складывается из деятельности органов власти и социальных групп библиотечного сообщества.

Этика и право. (6) Деятельность по выработке, поддержанию и контролю за соблюдением совокупности формальных (нормы права) и неформальных (нравственные нормы, ценности) правил, обеспечивающая нормативно-правовую среду, в которой существует институт.

Покажем на схеме строение БСИ (см. рис.). Каждый из компонентов относительно самостоятелен и взаимодействует со всеми остальными. С помощью категории БСИ мы как бы «вырезаем» из социальной жизни общества его библиотечную составляющую.

Схема строения БСИ

Наверное, не нуждается в особых доказательствах тот факт, что каждый из компонентов БСИ в различные исторические периоды воплощается в разнообразных организационных формах, проходит свой путь развития. Библиотека изменялась во времени, но неизменно воплощала в себе функцию полезности для общества – независимо от того, как понималась сама эта «полезность».

Функция познания начала приобретать самостоятельные формы в 1903 г., когда усилиями Л. Б. Хавкиной был организован первый в России отдел библиотековедения на базе Харьковской общественной библиотеки [29. С. 46]. В 1925 г. в Москве создается Институт библиотековедения, просуществовавший до 1940 г.

В наше время за функцию познания «отвечают» высшие учебные заведения и научные подразделения крупных библиотек. Библиотечное образование, выполняющее функцию профессионализации людей, занятых во всех компонентах БСИ, за последние сто лет прошло путь от библиотечных курсов при Народном университете им. А. Л. Шанявского до самостоятельных библиотечных институтов (1930–1960-е гг.) и сегодня является частью вузов культуры и искусств.

Мы можем проследить формы и особенности развития профессиональной коммуникации: от журнала «Библиотекарь», первый номер которого увидел свет сто лет назад, до весьма представительного набора библиотечных изданий нашего времени; от Первого всероссийского библиотечного съезда, прошедшего в 1911 г., до конгрессов РБА, которые ежегодно проводятся последние 15 лет.

Определив значение норм и правил как ядра социального института, мы обосновали правомерность наличия в его структуре самостоятельной нормативной функции. Эта новация представляется вполне оправданной. Этико-правовая подсистема библиотечного дела может быть рассмотрена как относительно самостоятельный компонент БСИ, независимо от того, что нормативная деятельность реализуется в основном в рамках подсистемы управления, являясь одним из основных методов упорядочения любых

социальных систем. Она имеет общесистемное значение, но не как цель, а как главное условие, способствующее или препятствующее её достижению, ибо задает правила «игры» для всех компонентов, включая и подсистему управления. Этика и право формируют общую институциональную среду библиотечного дела.

Развитие библиотечного законодательства в наше время детально изучено в монографии В. Р. Фирсова [30]. История основных нормативных актов, относящихся к библиотечному делу, прослеживается с 1865 г. – с Указа Государственного совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях», который определил порядок открытия и контроля за деятельностью публичных библиотек.

Неформальные механизмы регуляции БСИ, создаваемые библиотечным сообществом, становятся предметом изучения и областью профессиональной деятельности только в последние годы: это этические кодексы и рекомендательные нормативные акты, принимаемые на конгрессах РБА. Неформальные нормы и ценности, профессиональные стереотипы и правила меняются на наших глазах: это можно увидеть на примере отказа от установок на «руководство чтением». Но предметом изучения многие нормативные характеристики библиотечной деятельности пока что не стали. Библиотечные практики, основанные на взаимодействии субъектов (людей и организаций), будут включать в себя регуляторы их совместной деятельности и, следовательно, могут быть рассмотрены в качестве нормативных институтов.

Отдельного внимания требует подсистема, которая обозначена как самоорганизация и управление. Большинство специалистов, рассматривавших компонентный состав библиотечного дела, выделяют подсистему управления, традиционно полагая, что за ней стоит деятельность органов власти и администрации библиотек, связанная прежде всего с созданием материально-технических и экономических условий, непосредственным осуществлением властных полномочий. Но управление, понимаемое как воздействие субъекта на объект управления с целью его перевода в заданное состояние, всегда включает в себя не только властные повеления, но также элементы самоорганизации и самоуправления – в виде комплекса социально-психологических механизмов, упорядочивающих любую социальную деятельность.

Представляется очевидным, что неформальные формы и методы организации социальных объектов исторически первичны. Управление – генетически – вырастает из механизмов самоорганизации и обособливается от них только на определенной ступени развития социальной жизни. Механизмы самоорганизации в основном действуют спонтанно, но постепенно приобретают и самостоятельные организационные формы, формируемые усилиями библиотечной общественности.

В структуре библиотечного дела в конце XIX в. появились добровольные общества и ассоциации, интегрирующие профессиональное сообщество. К 1930-м гг. их ликвидировали. Но как только в конце 1980-х гг. ослабевает тотальное государственное давление на все сферы жизнедеятельности общества, их начинают создаваться заново на инициативной основе. В настоящее время общественные элементы играют весьма заметную роль в деятельности многих компонентов БСИ.

* * *

Подводя итоги рассмотрения категорийной системы библиотековедения с институциональных позиций, отметим следующее: в результате проведенного анализа мы сформировали представление о БСИ как о целостной устойчивой системе библиотечных отношений и структур в обществе. Это социальный институт, обеспечивающий удовлетворение потребностей общества и личности в библиотечных услугах, включающий в качестве составных частей практику (деятельность библиотек всех типов и видов), образование, науку, коммуникацию, управление, а также формальные и неформальные правила, по которым он функционирует и развивается.

В этом определении отражены цель института и исчерпывающий набор компонентов БСИ, отвечающий законам строения и функционирования (динамике) любых социально-коммуникативных систем, в том числе и библиотечной. Изменяется только «наполнение» его компонентов – функциональная структура социального института остается неизменной. Системообразующую роль в БСИ играет «практика», поскольку именно она реализует целевую функцию института, интегрирует все компоненты в единую систему. «Практика» – это и есть библиотечное дело в его традиционной трактовке. Все остальные компоненты БСИ работают на «практику», при этом степень их развития в реальности всегда будет различной, в зависимости от политических, правовых и экономических условий, создаваемых обществом.

Представление о БСИ дает важный сигнал обществу и государству о необходимости комплексного развития всех его компонентов. Только в этом случае можно говорить о возможности сбалансированного управления и модернизации отрасли на основе научно обоснованной национальной библиотечной политики.

Категория БСИ дает новые теоретические основания для уточнения категорийной структуры библиотековедения путем анализа объема и содержания таких основных понятий, как *библиотека*, *библиотечная деятельность*, *библиотека как социальный институт*. На базе институционального подхода может развиваться теория библиотечных социальных институтов, позволяющая углубить представление о социально-культурных, педагогических, правовых, управленческих и иных аспектах библиотечной сферы. Категория БСИ дает импульс и для поиска новых решений нестареющей фундаментальной проблемы – определения предмета и объекта библиотековедения.

Институционализм в его современной трактовке делает в библиотечной науке лишь первые шаги, что связано прежде всего с отсутствием общепризнанного определения понятия *институт* и методологических алгоритмов институциональных исследований. Хочется надеяться, что изучение социальных явлений библиотечной сферы «как институтов» станет плодотворным направлением развития библиотечной теории.

Список источников

1. **Библиотечное дело** : терминолог. словарь / Рос. гос. б-ка. Москва, 1997; **Карташов Н. С.** Общее библиотековедение : учеб. / Н. С. Карташов, В. В. Скворцов. Ч. 1. – Москва, 1996.
2. **Библиотечная** энциклопедия. – Москва, 2007. – 1299 с.
3. **Фенелонов Е. А.** Социально-экономический анализ библиотечного дела как объекта управления : моногр. – Москва, 2008. – 264 с.
4. **Дворкина М. Я.** Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. – Москва, 2009. – 256 с.
5. **Пашин А. И.** Управление библиотечным делом Российской Федерации: современная концепция : учеб. пособие. – Москва, 1998. – 95 с.
6. **Пашин А. И.** Управление библиотечным делом: системный подход : учеб.-метод. пособие. – Москва, 2008. – 168 с.
7. **Столяров Ю. Н.** Библиотека: структурно-функциональный подход. – Москва, 1981. – 255 с.
8. **Егоров С. Н.** Понятие. – С.-Петербург, 2005. – 88 с.
9. **Управление** библиотечным делом : терминолог. словарь. – Москва, 1985. – 47 с.
10. **Егоров С. Н.** Аксиоматические основы теории права. – С.-Петербург, 2001. – 272 с.
11. **Глотов М. Б.** Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 13–19.
12. **Культурология** : учеб. – Москва, 2007. – 566 с.
13. **Заславская Т. И.** Современное российское общество: социальный механизм трансформации : учеб. пособие. – Москва, 2004. – 400 с.
14. **Институциональная экономика**: новая институциональная экономическая теория : учеб. – Москва, 2007. – 416 с.; **Нуреев Р. М.** Теория общественного выбора : курс лекций. – Москва, 2005. – 531 с.; **Институт социальный** // Современная западная социология : словарь. – Москва, 1990. – С. 117.
15. **Горшков Ю. А.** Институционализм как методология политэкономии библиотечно-информационной деятельности // Библиотечные исследования в системе постнеклассической науки. – Москва, 2008. – С. 194–225.

16. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. – Москва, 1997. – 190 с.
17. **Бабосов Е. М.** Социология : энциклопед. словарь. – Москва, 2009. – 480 с.
18. **Фирсов В. Р.** Библиотека как социальный институт. Теоретико-методологические аспекты повышения ее роли в развитом социалистическом обществе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ленинград, 1984. – 15 с.
19. **Столяров Ю. Н.** Что такое библиотека? (О ее сущности и исходных функциях) // Библиотековедение. – 1999. – № 7/12. – С. 20–33.
20. **Мотульский Р. С.** Библиотека как социальный институт. – Минск, 2002. – 374 с.
21. **Полтавская Е. И.** Библиотека: учреждение и/или социальный институт? : практ. пособие – Москва, 2009. – 176 с.
22. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1.
23. **Шира Дж. Х.** Введение в библиотековедение: основные элементы библиотечного обслуживания / пер. с англ. – Москва, 1983. – 256 с.
24. **Трофимова Р. А.** Библиосоциология (История, теории, методология, исследовательские методы) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Барнаул, 2002. – 34 с.
25. **Трофимова Р. А.** Библиосоциология: научный статус, методология и методика. – Барнаул, 2002. – 162 с.
26. **Концепция** преодоления кризиса советских библиотек // Библиотекарь. – 1990. – № 11; **Соколов А. В.** Пути преодоления кризиса // Там же. С. 35–42; **Отчет** о научно-исследовательской работе по республиканской программе «Наука и культурная политика». Общественно-государственное управление библиотечным делом в Российской Федерации / науч. рук. С. А. Басов. – С.-Петербург, 1991. – 136 с. [Машинопись].
27. **Соколов А. В.** Сделать первый шаг, чтобы выйти из кризисной ситуации в библиотечном деле // Библиотекарь. – 1989. – № 7. – С. 14–16.
28. **Соколов А. В.** Незыблемость фундамента и модернизация фасада / А. В. Соколов // Науч. и техн. б-ки. – 2009. – № 4. – С. 64–75.
29. **Григорьев Ю. В.** Л. Б. Хавкина (1871–1949). – Москва, 1973. – 126 с.
30. **Фирсов В. Р.** Государственное законодательное регулирование деятельности библиотек : моногр. – С.-Петербург, 2000. – 256 с.